

Научная статья

УДК 316.4.057.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.13

EDN HBACWG

**Социальное влияние ислама: ретроспектива и современное состояние
(на примере Северного Кавказа)****Олег С. Черевков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования является анализ социального влияния ислама как сложного социокультурного комплекса на Северном Кавказе.

Методологическую базу исследования составляют исторический и социологический подход в сочетании с такими методами, как критический анализ, сравнение.

Результат исследования. Автором выявлены конкретные примеры выражения социального влияния ислама на социальную структуру, традиции и обычаи населения Северного Кавказа на разных исторических этапах; обозначает деление региона на западную и восточную часть по степени влияния ислама в указанном аспекте.

Перспективы исследования. Изучение социального воздействия ислама на Северном Кавказе является важным направлением исследований с точки зрения анализа и прогнозирования развития социально-политической, религиозной ситуации в регионе, гармонизации межкультурных отношений, поддержания гражданского мира.

Ключевые слова: социальное влияние, влияние ислама, Северный Кавказ, социальная структура, обычаи, традиции, ислам.

Для цитирования: Черевков, О.С. (2022) Социальное влияние ислама: ретроспектива и современное состояние (на примере Северного Кавказа). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 152–162. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.13>

**Social influence of Islam: retrospective and current state
(on the example of the North Caucasus)****Oleg S. Cherevkov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study is to analyze the social influence of Islam as a complex socio-cultural complex in the North Caucasus region.

The methodological basis of the study is the historical and the sociological approach combined with such methods as critical analysis, comparison.

Result of the study. The author identifies concrete examples of the expression of the social influence of Islam on the social structure, traditions, and customs of the population of the North Caucasus at different historical stages; designates the division of the region into western and eastern parts according to the degree of influence of Islam in this aspect.

Prospects of the study. The study of the social impact of Islam in the North Caucasus is an important area of research from the point of view of analyzing and predicting the development of the socio-political, religious situation in the region, the harmonization of intercultural relations, and the maintenance of civil peace.

Keywords: social influence, influence of Islam, North Caucasus, social structure, customs, traditions, Islam.

For citation: Cherevkov, O.S. (2022) Social influence of Islam: retrospective and current state (one the example of the North Caucasus). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 152–162. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.13>

Введение

Религия как социальный институт представляет собой один из важнейших элементов социальной структуры, обеспечивающей устойчивость развития сообщества посредством социального влияния, т. е. воздействия на поведение индивида, его чувства, на межличностные и межгрупповые взаимодействия, а также на элементы социальной структуры. Существуют различные точки зрения на то, как религия оказывает влияние на социальные процессы: с одной стороны, она может способствовать совершенствованию духа, укреплению нравственности и развитию социальных структур, с другой стороны – к догматизации, консервации архаичных социальных институтов и форм взаимодействия. Проблема связи общества и религии имеет глубокие корни и до сегодняшнего дня не потеряла своей актуальности.

Ислам является второй по распространенности религией в мире. Она основана на божественном откровении, пророческой власти и ниспосланном священном тексте. Простота и четкая регламентированность, в том числе в вопросах о том, как должно правильно организовать общество, можно считать одной из причин, по которой ислам так быстро распространился далеко за пределы Аравийского полуострова. Особенностью ислама, в отличие от родственных ему иудаизма и христианства, является фактическое отсутствие разделения «светского» и «сакрального». Все мирское в исламе не просто подчинено религиозному, но является его продолжением, неотъемлемой частью.

Методология исследования

Изучение вопроса о социальном влиянии ислама строилось, главным образом, на анализе основных священных текстов. Коран¹ как главная священная книга мусульман, в силу своего содержания, является не только источником самой религии, но и ее социального воздействия (Abdullah, Ismai, Othman, Nasir, 2017). Коран, согласно исламским канонам, был передан через откровение пророку Мухаммеду Аллахом. Положения, зафиксированные в Коране, регулируют не только чисто религиозные вопросы: в сурах (главах) даются предписания о правильной социально-политической организации общества, о регулировании межличностных и межгрупповых взаимоотношений и т.д. Вторым по важности в плане формирования стратегии социального воздействия в исламе является Сунна, которая представляет собой совокупность высказываний пророка Мухаммеда (кауль), его поступков (фииль), молчаливых одобрений слов и дел его сподвижников (такрир). В них зафиксированы определенные нормы, правила и обычаи, при этом фигура пророка выступает в качестве ориентира того, как следует поступать в той или иной ситуации. С течением времени Сунна повлияла на формирование исламского комплекса предписаний – шариата.

Анализ социокультурной составляющей ислама говорит о том, что данная религия своей целью ставит духовное развитие верующих, установление и поддержание среди них справедливых взаимоотношений. В этой связи интересно отметить отношение ислама к вопросам смягчения взаимодействия между богатыми и бедными: с одной стороны, ислам признает право частной собственности священным; с другой стороны, ислам предписывает богатым выплату обязательного налога на имущество, который идет в пользу бедных (закят). Закят является одним из пяти столпов ислама, выплата этого налога является, своего рода, подтверждением легальности доходов плательщика. В то же время существует еще одна форма обязательной милостыни –

¹ Автор использовал перевод Священного Корана за авторством Крачковского И. Ю., размещенный на сайте: <https://falaq.ru/quran/krac/>

закят аль-фитр, или саа (по названию арабской меры сыпучих веществ). Закят аль-фитр выплачивается до наступления праздника Ид-аль-Фитр (Ураза-байрам) главой семьи за всех членов своей семьи, находящихся на его попечении. Право наследования распространяется на широкий круг родственников. Торговля разрешена и даже поощряется, а вот риба (ростовщичество или сделка, при которой одна из сторон получает прибыль, но не прикладывает для этого труда) считается одним из самых тяжких грехов и запрещена шариатом. Имеются и другие этические предписания, поощряющие установление социальной справедливости и общественное развитие. Важно в свете рассмотрения социального воздействия ислама упомянуть об умме – положении, согласно которому сообщество людей должно объединяться на основе принадлежности к вере, а члены сообщества должны отринуть этнические и иные отличия как индикаторы разделения. В принятом своем значении умма понимается именно как сообщество мусульман, хотя есть свидетельства, что изначально этот термин носил более универсальный характер. Каждый мусульманин, вне зависимости от места своего нахождения, принадлежит к мировому мусульманскому сообществу, с сохранением за них всех прав и обязанностей последователя данной религии (Герейханов, 2012).

Еще одним важным фактором, способствующим эффективному социальному влиянию ислама, является то, что религиозные каноны, нормы поведения, как правило, прививаются верующим с раннего возраста, т.е. человек не просто принимает его, но воспитывается в его русле, воспринимая такие этические нормы, как почитание родителей, уважительное отношение к старшим, особое отношение к женщине и т.п. Таким образом, сочетание необходимости следования этическим нормам и религиозным предписаниям обеспечивают устойчивость и распространенность ислама в мире (Дьяченко, 2015).

В рамках данной статьи автором поставлена цель раскрыть социальное влияние ислама через проявления в различных сферах жизни общества на Северном Кавказе.

Результаты

На территорию Северного Кавказа (конкретно – южный Дагестан) ислам пришел уже в VII в., вместе с первыми подвижниками пророка Мухамеда. В ходе экспансии Арабский халифат (632–945, 1124–1258 гг.) установил контроль над территориями современного Азербайджана, продвинувшись на севере до Дербента. Сопrotивление местного населения, внешние политические обстоятельства, отдаленность этого региона от экономических и политических центров Арабского халифата привели к тому, что лишь к X в. Дербент становится крупным мусульманским центром. На данном этапе были исламизированы те народы, которые находились территориально близко к городу, в частности, лезгины, табасаранцы, рутульцы.

Установление власти Арабского халифата сопровождалось серьезными изменениями существовавшей социальной структуры. Если ранее основными владельцами земли выступали или общины, или государство/правящий род, то после исламизации, хотя и не сразу, постепенно складываются раннефеодальные отношения: появляются крупные поместья (дийа), владельцами которых стала новая региональная знать, прежде всего – арабские военачальники. (Халифаева, 2014). За несение военной службы арабские правители также предоставляли своим подданным права на часть территорий и доходов с них – икта. Распространение новой религии привело также к появлению особой формы собственности – вакфа т. е. имущества, переданного в качестве пожертвования на религиозные или благотворительные цели. Вакф

стал основой для существования мечетей, по нему священнослужители получали не только ценные предметы, но и земельные участки, инфраструктурные объекты, например караван-сарай, бани, мельницы и т.д. (Ибрагимова, 2012; Алиев, 2014).

Серьезные изменения произошли также в сфере налогообложения: помимо налогов для принявших ислам, соответственно, появились налоги для тех, кто сохранял прежние верования – подушная подать (джизья). От ее выплаты освобождался ряд категорий людей, например инвалиды, старики, женщины, рабы, монахи и христиане, воевавшие в мусульманской армии. Джизья служила не только средством пополнения казны, но и инструментом экономического принуждения к принятию ислама. (Васильев, 2015).

Распространение власти Арабского халифата сопровождалось массовым насаждением ислама среди населения, в основной своей массе исповедовавшего язычество, в небольшой степени – христианство и иудаизм. Постоянные военные кампании привели к формированию особого социального слоя – газии, свободных воинов, чьей специализацией было нападение на поселения неверных (Шихсаидов, 2010).

Нельзя недооценивать роль внешнего фактора на процессы экспансии ислама в регионе на данном этапе: Арабский халифат, а за ним – Государство сельджуков способствовали расширению зоны влияния религии и упрочнению ее позиций. Разумеется, нельзя забывать о том, что исламу были присущи такие черты, как жесткая регламентированность как духовной, так и социальной, экономической, политической жизни общества; понятность и простота обращения; а также лояльная по отношению к обращенным в ислам налоговая политика (Бережной, Добаев, Крайнюченко, 2011).

Между X и XV вв. начинается новый этап исламизации на Северном Кавказе, связанный с обретением самостоятельности местными правителями, в частности эмирами Дербента и шахами Ширвана, которые использовали ислам для упрочнения собственного влияния. (Bosworth, 1996). Исламизация расширяет свою географию, охватывает новые народы – агулов, лакцев, даргинцев, кумыков, аварцев и другие этнические группы.

В XI в. в регион через Дербент проникает суфизм – особое мистико-философское направление в исламе, которое придало дополнительный импульс распространению религии среди местного населения. (Ханбабаев, Якубов, 2008). Формируются устойчивые локальные духовные традиции, основанные на интеграции отдельных местных обычаев в религиозную мусульманскую практику. Развивается сфера религиозного образования: так, в XI в. появляются первые медресе, в частности, в Цахуре. В медресе осуществлялась подготовка мусульманских ученых и богословов, а также переводились на местные языки мусульманские книги, имелась своя обширная библиотека. (Абдуллаев, 2013).

В XIII–XIV вв. регион оказывается, включен в сферу влияния огромных мусульманских империй, в частности Государства хулагуидов и Империи Тамерлана. Происходит столкновение старой и новой традиции сразу по нескольким направлениям: ислам расширяет свое влияние, вытесняя язычество и христианство, мусульманское право – шариат, – пытается вытеснить обычное право горцев – адат. Это приводит к формированию своеобразия ислама на Северном Кавказе, которое заключается в синкретизме доисламского социокультурного субстрата и нормативного ислама (Бардаков А. И., Поломошнов А. Ф., Гурбанов Э.А.-О., 2012).

В XVI–XVIII в. на развитие ислама на Кавказе оказываются влияние одновременно Персидская и Османская империи, являвшиеся лидерами шиитского и суннитского исламского мира соответственно. География исламизации вновь расшире-

на: на востоке ислам более активно проникает на территории современных Чечни и Ингушетии, на западе через турецких и крымскотатарских проповедников религия распространяется среди адыгских племен, проживающих близко к черноморскому побережью. В отдельных районах Северного Кавказа ислам уже в это время становится важной компонентой самоидентификации населения, а исламские традиции вытесняют многие ранее бытовавшие обычаи, хотя и не до конца. В то же время районы распространения ислама характеризуются крайней политической раздробленностью. (Бережной, Добаев, Крайнюченко, 2011)

На территории Дагестана постепенно формируется слой т. н. «официального» мусульманского духовенства. Он характеризуется социально-экономической близостью к правящей верхушке, благодаря которому развивается исламская образовательная и религиозная инфраструктура. Образуются династии священнослужителей, формируются закрытые сообщества из представителей духовенства, которые распределяли между собой формально выборные должности, например кадиев (Магомедов, 2017). Священнослужители принимают активное участие не только в собственно религиозной жизни, но и осуществляют судебные и даже дипломатические функции.

В то же время в сельской местности Дагестана упрочняется влияние суфизма. (Юсупова, Алиева, 2012). Формируются т. н. суфийские ордена, где центральной фигурой является шейх – учитель/святой, вокруг которого собираются мюриды – ученики/послушники. Суфизм сыграл крайне важную роль в распространении социального влияния ислама по следующим причинам: во-первых, верующим импонировал аскетичный образ жизни суфиев, который резко контрастировал с образом жизни феодалов, родовых лидеров и близких к ним официальных священнослужителей; во-вторых, суфии выступали за четкое следование законам шариата, в отличие от представителей знати и «официального» духовенства, которые в зависимости от ситуации склонялись к применению или шариата, или обычного права. Суфийские шейхи возглавили антиколониальную борьбу, что особенно ярко проявилось на востоке Северного Кавказа (Солтамурадов, 2008). Так, уже в конце XVIII в. в Чечне борьба с феодализмом и колониализмом под руководством шейха Мансура проводилась под религиозными лозунгами.

Важную роль в упрочнении социального влияния ислама в регионе сыграли события Кавказской войны 1817–1864 гг. В этот период политический аспект социального влияния ислама, усиливавшийся со второй половины XVIII в., достиг своего пика. Если ранее ислам во многом адаптировался к местным социокультурным условиям, характеризовался большей терпимостью, то в годы Кавказской войны актуализировались догматизм, стремление к консолидации верующих вокруг религии для противостояния «неверным» в лице русских и поддерживавших их представителей знати. Важную роль в формировании тогдашнего социально-политического облика Северного Кавказа сыграли последователи горского религиозно-политического движения за создание исламского теократического государства, в российской историографии получившего название «мюридизм», или «кавказский мюридизм» (Герман, 2017). При этом его не следует путать с религиозно-философским течением в русле суфизма (Брокгауз, Ефрон, 1897). Распространение «кавказского мюридизма» в 1820-х гг. привело к формированию серьезного религиозно-политического движения, противопоставившего себя Российской империи. Усиление влияния «кавказского мюридизма» связывают с деятельностью имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-бека и особенно Шамиля (Эскарханов, 2011). С деятельностью последнего связывают усилия по преобразованию полиэтничного, раздробленного в политическом отношении пространства северокавказского региона в исламское теократическое государство –

имамат. Строительство имамата подразумевало создание системы военно-административного управления, выразившейся в формировании наибств, во главе которых Шамиль ставил верных людей – наибов. Наибы при осуществлении своей деятельности, в свою очередь, опирались на вновь созданную группу мюридов, т. н. наибских. Они отличались от мюридов в традиционном понимании тем, что, во-первых, имели весьма ограниченные религиозные познания, во-вторых, выполняли в основном военные и полицейские функции, в-третьих, получали от наиба довольствие за свою службу. Таким образом, Шамиль в борьбе с Россией и враждебными ему феодалами создавал собственную привилегированную прослойку, лояльную лично ему и готовую принять его видение газавата. Шамиль ввел на территории имамата новую систему налогообложения, которая основывалась на закяте и харадже; а также внедрил шариат как единственно легитимную систему права (в ущерб адатному праву), на котором, в свою очередь, был основан разработанный имамом свод законов – низам. Низам регулировал вопросы административно-хозяйственного и военного управления, устройства общества, поведения мусульман и т. д. (Шехмагомедов, 2014).

После установления власти Российской империи над Северным Кавказом в XIX в. ислам оказался под определенным давлением: российская администрация сделала ставку на феодальную верхушку, поддержание системы адатного права, внедрение общероссийских законов и распространение христианства. Однако с течением времени эта политика была пересмотрена: мусульмане стали пользоваться правом свободного вероисповедания своей религии, а традиционно настроенное мусульманское духовенство и шариат в начале XX в. стали одним из оснований российского контроля над регионом. Важным моментом, который способствовал стабилизации социально-политической ситуации на Северном Кавказе, стало то, что российские власти перестали излишне вмешиваться в вопросы повседневного образа жизни мусульман. Более того, российская администрация не препятствовала развитию религиозной и образовательной инфраструктуры, поощряла открытие новых духовных школ и мечетей (Сатушиева, 2016). Более того, после событий Первой русской революции 1905–1907 гг. официальный статус получило мусульманское общественное движение, появились различные организации мусульман, отстаивавшие права и интересы своих единомыслителей (Хабутдинов, Имашева, 2020).

В годы общественно-политического кризиса и Гражданской войны в России советской власти социальное воздействие ислама существенно снизилось. Хотя на начальном этапе взаимоотношения большевиков и значительной части мусульман (как простых верующих, так и духовенства) можно назвать в целом доброжелательными, в дальнейшем деятельность коммунистов привела к закрытию большинства мечетей и религиозных образовательных учреждений, запрету для священнослужителей отправлять обряды, замене шариата и адата светскими нормами (по крайней мере, декларативно), общему падению интереса к религии среди населения. Ситуация несколько изменилась после Великой Отечественной войны, когда с санкции властей в 1944–1945 гг. были созданы духовные управления мусульман, в том числе на Северном Кавказе (Панов, 2022), сформирован очень небольшой слой официального духовенства. С одной стороны, этот тип священнослужителей находился под жестким идеологическим контролем, обязан был демонстрировать лояльность советской власти, платить подоходный налог, производить отчисления в Фонд мира. С другой стороны, только официально зарегистрированные священнослужители обладали правом проповедовать в мечетях, участвовать в международных исламских конференциях, осуществлять отбор кадров для последующего получения ими религиозного образования, организовывать паломнические поездки и т. д. Реакцией на это

стало стихийное формирование т. н. «неофициального» духовенства. Это были как люди, получавшие религиозное образование в дореволюционные времена, так и те, кто изучал ислам самостоятельно. Среди «неофициального» духовенства было множество последователей суфийских тарикатов, в основном из числа представителей депортированных народов Северного Кавказа (Гусева, 2013). Несмотря на попытки официального духовенства и власти взять это движение под контроль, ограничить его, сделать им это не удалось: «неофициальные» священнослужители пользовались поддержкой и помощью простых верующих. В то же самое время следует признать, что в силу вышеописанных факторов снизился не только общий интерес к религии, но и уровень знаний верующих об исламе. Фактически, в ряде регионов к концу 1980-х гг. исламские нормы, обычаи и традиции, часто в сильно искаженном виде, сохранились лишь как часть этнического самосознания и как часть культуры быта (т. н. «народный ислам»). Неисламские по своему происхождению элементы обрядов являлись важной составляющей «народного ислама», что касалось, в частности, похорон. (Такова, 2016). В то же время в восточной части Северного Кавказа, например, в Дагестане, «народный ислам» и подпольное обучение исламу послужили факторами сохранения данной религии в относительно «чистом» виде. Важным фактором сохранения исламской традиции стали обряды мавлидов, включавшие в себя проповеди, рассказы об исламе, пророке, совместные молитвы и т.п. (Магомедов, 2012).

В ходе процессов, начавшихся в постперестроечное время, в Советском Союзе происходит возрождение религии, в том числе ислама. Духовенство выходит из-под идеологического контроля, активизируется деятельность по восстановлению религиозной инфраструктуры, возрождается религиозное образование, в чем помощь оказывают иностранные благотворительные и религиозные организации. В то же время иностранные эксперты не имели представлений о глубокой специфике местного ислама, а поставляемая религиозная литература отличалась бессистемным характером. Это, вкупе с упомянутым низким уровнем знаний об исламе среди верующих, привело к распространению радикальных, политизированных трактовок ислама, борьбе между условно «традиционным» исламом и исламизмом – религиозно-политической деструктивной идеологией (Башиев, Мансуров, Яковлев, 2014).

Примечательно, что некоторые исследователи (Абдулагатов, Ахундов, 2018) полагают, что де-факто на Северном Кавказе в постперестроечное время наблюдался не столько процесс возрождения ислама, сколько процесс реисламизации населения: упадок исламских институтов, утрата значительной частью мусульманского населения знаний и понимания собственной религии достигли такого уровня, что образ жизни среднестатистического человека, считавшего себя последователем ислама, имел мало общего с официальными мусульманскими нормами, и людям пришлось заново осваивать даже основы мусульманского вероучения. При этом в зависимости от того, кто проводил реисламизацию, происходило распространение тех или иных внутриисламских течений, усвоение различных вариаций исламского социокультурного комплекса.

Обсуждение. Сегодня уровень социального влияния ислама на Северном Кавказе нельзя назвать одинаковым во всем регионе. В западной части Северного Кавказа мусульманам пришлось фактически с самого начала отстраивать инфраструктуру, формировать систему религиозного образования, осуществлять набор кадров, проводить разъяснительную работу среди верующих. К тому же ислам окончательно укоренился здесь позже, чем на востоке, и не стал настолько важным фактором влияния на традиции и обычаи населения, как, например, фактор этнической принадлежности. На востоке же даже в годы советской власти удалось луч-

ше сохранить исламскую образовательную и религиозную традицию, здесь оставались авторитетные богословы. В то же время, ислам в восточной части Северного Кавказа, содержащий в себе существенную суфийскую и даже доисламскую компоненту, сталкивается с проблемой роста популярности салафизма – идеологии, призывающей к «очищению» ислама от сторонних заимствований (Искандерян, 2004). Именно для востока в большей степени характерна визуальная демонстрация принадлежности к исламу (при помощи одежды, религиозной символики), более жесткое следование в повседневной жизни исламским нормам и обычаям, обращение к религии при разрешении бытовых, семейных, имущественных и других видов споров. Также для востока в гораздо большей степени характерен спрос на продукцию халяльной индустрии.

Уровень социального влияния ислама косвенно можно проследить, обратившись к результатам социологических исследований по теме формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Так, в статье «Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки» (Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, Иванова, Шульга, 2022) отмечается незначительное преобладание общегражданской идентичности над этнической и конфессиональной составляющими. В среднем по СКФО доля религиозной идентичности в «портфеле идентичностей» составляет 29%. Наиболее высока доля конфессиональной компоненты идентичности в Чечне (45%), Дагестане (40%), Ингушетии (37%); при этом одновременно здесь же фиксируются самые низкие показатели по доле общегражданской компоненты идентичности – 22%, 27% и 15% соответственно. В то же время в ряде западных регионов Северного Кавказа религиозная идентичность не так ярко выражена по сравнению с востоком: в «портфеле идентичности» Кабардино-Балкарии она занимает 18%, в Карачаево-Черкессии – 22%. Большинство экспертов (представители научного сообщества, административных структур, лидеры мнений и представители НКО), опрошенных авторами исследования, отмечало важность конфессионального элемента идентичности, но только эксперты из Чечни и Ингушетии отмечали его фундаментальный, а из Дагестана – превалирующий характер.

В то же самое время существуют исследования по схожей тематике, в частности, по Республике Дагестан, которые демонстрируют превалирование общероссийской идентичности на уровне указанного региона (Адиев, 2021; Шахбанова, 2013; Шахбанова, 2022). Еще одно исследование показывает высокий, хотя и не доминирующий, уровень групповой идентичности на основе принадлежности к одному религиозному комплексу в Дагестане.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что социальное влияние ислама на Северном Кавказе сложно недооценить: оно имеет глубокие корни, прочно закреплено как на индивидуальном, так и на групповом уровне в различных сферах социальной жизни. Наиболее вероятным вариантом развития ситуации представляется дальнейшее усиление и воспроизводство социального воздействия ислама, которое наиболее отчетливо будет проявляться в восточной части Северного Кавказа.

Для нас важно изучение и понимание историко-культурных особенностей, составляющих мировоззренческую основу ислама, что будет способствовать формированию устойчивого мира и адекватных культурных, экономических и политических контактов между Россией и Ближним Востоком, Центральной Азией и другими регионами, в которых представлено влияние ислама.

Литература

- Абдулагатов, З. М., Ахундов Т. И.-О. (2018). «Народный» ислам: особенности социологического анализа. *История, археология и этнография Кавказа*, 14 (3), 95–108. DOI: 10.24411/2618-6772-2018-13009.
- Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Гриценко, Г. Д., Иванова, С. Ю., Шульга М. М. (2022). Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 16 (1), 115–124. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124.
- Адиев, А. З. (2021). Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). *Социологические исследования*, 4, 136–142. DOI: 10.31857/S013216250011312-6.
- Алиев, Б.Г. (2014). Вакуф – специфическая форма землевладения мусульманских религиозных учреждений. *Вестник Института ИАЭ*, 3 (39), 15–24.
- Бардаков, А. И., Поломошнов, А. Ф., Гурбанов, Э.А.-О. (2012). Ислам – политический и социально-культурный фактор развития Северного Кавказа. *Исламоведение*, 2, 55–75.
- Башиев, М. А., Мансуров, Р.А., Яковлев М.В. (2014). Ислам на Кавказе. *Молодой ученый*, 21 (80), 573–574.
- Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. (1897). Мюридизм. *Словник: Наказания исправительные*. Московский Университет. Т. XX, 372–373.
- Васильев, И. (2015). Богословские основания для межрелигиозного диалога в исламской традиции. *Пятигорск: Снег*, 347.
- Герейханов, Г. П. (2012). Мусульманская умма в фокусе социально-философского анализа. Часть 1. Религиозная доктрина и социальное пространство ислама, *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*, 1 (2), 10.
- Герман, Р. Э. (2017). Характеристика идеологии мюридизма и лидерских качеств имамов участниками и современниками Кавказской войны. *Общество: философия, история, культура*, 4, 91–94. DOI: 10.24158/fik.2017.4.22.
- Гусева, Ю. Н. (2013). Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950-1960-е годы как проявления «Неофициального ислама». *Исламоведение*, 2, 35–43.
- Дьяченко, Л.И. (2015). Ислам и его роль в жизни современного общества. *Гуманитарные научные исследования*, 5, 2, 36–38.
- Ибрагимова, П. А. (2012). Вакуф в Дагестане и Османской империи XIX в. *Научная мысль Кавказа*, 3 (71), 74–79.
- Искандерян, А.М. (2004). Ислам на Северном Кавказе: ре- или доисламизация? *Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции*. Ереван, КИСМИ, 120.
- Клименко, Л.В., Жаде, З.А. (2022). Региональные особенности идентичности населения Юга России: этногендерный аспект. *Гуманитарий Юга России*, 11 (55), 3, 167-175, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.3.14
- Магомедов, А. Д. (2012). Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа. *Исламоведение*, 3, 60–72.
- Панов, Н. Н. (2022). Государство и ислам в СССР В 1940-е гг.: поиск новой модели взаимоотношений. *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*, 1 (12), 138–146.
- Сатушиева, Л. Х. (2016) «Мусульманский вопрос» в российской политике на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) *Исламоведение*, 1, 51–58.
- Солтамурадов, М.Д. (2008). Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. *Южнороссийское обозрение*, 51, 141.
- Такова, А.Н. (2016). «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2 (34), 255–280. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-2-255-280.
- Хабутдинов, А. Ю., Имашева, М. М. (2020). Лидеры мусульманского движения Российской империи об основных политических вопросах начала XX века. *История, археология и этнография Кавказа*, 16, 4, 969–981. DOI: 10.32653/CH164969-981.
- Халифаева, А.К. (2014) Мусульманское государственное право (имущественное и наследственное право) на территории Дагестана: проблемы становления и развития. *Системные технологии*, 10, 181–185.
- Ханбабаев, К.М., Якубов, М.Г. (2008). Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 194.
- Шахбанова, М.М. (2013). Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 394.
- Шахбанова, М.М. (2022). Этноконфессиональные и языковые процессы в городском пространстве современного Дагестана. Махачкала: АЛЕФ, 1.
- Шехмагомедов, М.Г. (2014). «Лаиха Низам ал-джадид» – «Свод нового Низама» Шамиля. *История, археология и этнография Кавказа*, 2 (38), 43–49.
- Шихсаидов, А. Р. (2010). Распространение ислама в Дагестане. *Исламоведение*, 1. С. 31–50.
- Эскарханов, Г.Л. (2011). Возникновение и развитие суфизма на Северо-Восточном Кавказе. *Научная мысль Кавказа*, 2 (66), 120–124.

- Юсупова, Г. И., Алиева, Д. А. (2012) Суфизм в Дагестане. *Исламоведение*, 1, 97–103.
- Abdullah, A. H., Ismai, M. S., Othman, M. S., Nasir, N. (2017). Islamic View on the Role of Social Environment in Shaping Human Behaviour. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 7, 7, 886–895.
- Bosworth, C. E. (1996). *The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual*. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd, 243-249.
- Абдуллаев, М. (2013). Оплот исламских знаний в Цахуре. Первое медресе университетского типа в горах Дагестана. *Федеральная лезгинская национально-культурная автономия*. Режим доступа: https://flnka.ru/glav_lenta/4485-oplot-islamskih-znaniy-v-gorah.html.
- Бережной, С.Е., Добаев, И.П., Крайнюченко, П.В. (2011). Генезис и этапы эволюции ислама на Северном Кавказе. *Информационно-аналитический портал Евразия*. Режим доступа: <http://evrazia.org/article/1737>.
- Магомедов, А.Р. (2017). *Земельно-правовые отношения в Дагестане XV-XVII вв.* Москва: Садра, 163. Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-arsen-magomedov/128168-zemelno-pravovye-otnosheniya-v-dagestane-xv-xvii-vv-arsen-magomedov/read/page-6.html>.

References

- Abdulagatov, Z. M., Akhundov, T. I.-O. (2018). "People's" Islam: features of sociological analysis. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*, 14 (3), 95–108. DOI: 10.24411/2618-6772-2018-13009.
- Avksentiev, V. A., Aksyumov, B. V., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Yu., Shul'ga M. M. (2022). All-Russian identity in the North Caucasus: the experience of expert assessment. *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 16 (1), 115–124. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124.
- Adiev, A. Z. (2021). All-Russian identity in Dagestan (according to surveys 2016-2019). *Sociological research*, 4, 136-142. DOI: 10.31857/S013216250011312-6.
- Aliyev, B. G. (2014). Waqf is a specific form of land ownership of Muslim religious institutions. *Bulletin of the Institute of IAE*, 3 (39), 15-24.
- Bardakov, A. I., Polomoshnov, A. F., Gurbanov, E.A.-O. (2012). Islam is a political and socio-cultural factor in the development of the North Caucasus. *Islamic studies*, 2, 55–75.
- Bashiev, M. A., Mansurov, R.A., Yakovlev M.V. (2014). Islam in the Caucasus. *Young scientist*, 21 (80), 573–574.
- Brockhaus, F. A., Efron, I. A. (1897). *Muridism. Dictionary: Correctional punishments*. Moscow University, XX, 372-373.
- Vasiliev, I. (2015). Theological grounds for interreligious dialogue in the Islamic tradition. Pyatigorsk: Snow, 347, 283.
- Gereikhanov, G. P. (2012). The Muslim Ummah in the focus of socio-philosophical analysis Part 1. Religious doctrine and the social space of Islam. *Electronic scientific publication Almanac Space and Time*, 1 (2), 10.
- German, R. E. (2017). Characteristics of the ideology of Muridism and leadership qualities of imams by participants and contemporaries of the Caucasian War. *Society: philosophy, history, culture*, 4, 91–94. DOI: 10.24158/fik.2017.4.22.
- Guseva, Yu. N. (2013). Sufi brotherhoods, "Wandering Mullahs" and "Holy Places" of the Middle Volga region in the 1950s and 1960s as manifestations of "Unofficial Islam". *Islamic Studies*, 2, 35–43.
- Dyachenko, L.I. (2015). Islam and its role in the life of modern society. *Humanitarian scientific research*, 5, 2, 36–38.
- Ibragimova, P. A. (2012). The Waqf in Dagestan and the Ottoman Empire of the XIX century. *Scientific thought of the Caucasus*, 3 (71), 74-79.
- Iskanderyan, A.M. (2004). Islam in the North Caucasus: re- or pre-Islamization? *Religion and politics in the Caucasus. Materials of the international conference*, 96–109.
- Klimenko, L.V., Zhade, Z.A. (2022). Regional features of the South-Russian population identity: ethnogender aspect. *Humanities of the South of Russia*, 11 (55), 3, 167-175, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.3.14.
- Magomedov, A.D. (2012). Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus. *Islamic Studies*, 3, 60–72.
- Panov, N. N. (2022). The state and Islam in the USSR in the 1940s: the search for a new model of relations. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1 (12), 138–146.
- Satushieva, L. H. (2016). "The Muslim question" in Russian politics in the North Caucasus (the second half of the XIX – early XX Century). *Islamic Studies*, 1, 51-58.
- Soltamuradov, M. D. (2008). Sufism in the culture of the peoples of the North-Eastern Caucasus. *South Russian Review*, 51, 141.
- Takova, A.N. (2016). "Praying" Muslim youth as a subculture of Kabardino-Balkarian society. *State, religion, church in Russia and abroad*, 2 (34), 255–280. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-2-255-280.
- Khabutdinov, A. Yu., Imasheva, M. M. (2020). Leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 16, 4, 969-981. DOI: 10.32653/CH164969-981.

- Khalifaeva, A. K. (2014). Muslim state law (property and inheritance law) on the territory of Dagestan: problems of formation and development. *System technologies*, 10, 181-185.
- Khanbabaev, K. M., Yakubov, M. G. (2008). Religious and political extremism in the world, Russia: the essence and experience of counteraction. Makhachkala, 194.
- Shakhbanova, M.M. (2013). Ethnic identity and strategies of interethnic behavior of the small peoples of the Republic of Dagestan. Makhachkala: ALEPH Publishing House, 394.
- Shakhbanova, M.M. (2022). Ethno-confessional and linguistic processes in the urban space of modern Dagestan. Makhachkala: ALEPH, 481.
- Shekhmagomedov, M.G. (2014). "Laiha Nizam al-jadid" – "The Code of the new Nizam" by Shamil. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*, 2 (38), 43–49.
- Shikhsaidov, A. R. (2010). The spread of Islam in Dagestan. *Islamic studies*, 1, 31-50.
- Eskarkhanov, G.L. (2011). The emergence and development of Sufism in the North-Eastern Caucasus. *Scientific thought of the Caucasus*, 2 (66), 120-124.
- Yusupova, G. I., Alieva, D. A. (2012). Sufism in Dagestan. *Islamic studies*, 1, 97-103.
- Abdullah, A.H., Ismai, M.S., Othman, M.S., Nasir, N. (2017). Islamic View on the Role of Social Environment in Shaping Human Behaviour. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 7, 7, 886-895.
- Bosworth, C. E. (1996). The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd, 243-249.
- Abdullaev, M. (2013). The stronghold of Islamic knowledge in Tsakhur. The first university-type madrasah in the mountains of Dagestan. *Federal Lezgian National-Cultural autonomy*. Available at: https://flnka.ru/glav_lenta/4485-oplot-islamskih-znaniy-v-gorah.html.
- Berezhnoy, S.E., Dobaev, I.P., Kraynuchenko, P.V. (2011). Genesis and stages of the evolution of Islam in the North Caucasus. *Informational and analytical portal "Evrazia"*. Available at: <http://evrazia.org/article/1737>.
- Magomedov, A. R. (2017). Land and legal relations in Dagestan of the XV-XVII centuries. Moscow: Sandra, 163. Available at: <https://iknigi.net/avtor-arsen-magomedov/128168-zemelno-pravovye-otnosheniya-v-dagestane-xv-xvii-vv-arsen-magomedov/read/page-6.html>.

Дата получения рукописи: 3.11.2022

Дата окончания рецензирования: 17.11.2022

Дата принятия к публикации: 20.11.2022

Информация об авторе

Черевков Олег Сергеевич – аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Cherevkov Oleg Sergeevich – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare